

Чтобы как можно скорее начать пользоваться бамбуковой циновкой, Нин Гуйчжу выбрал не обычное переплетение основы и утка. Он разложил на полу одну за другой тонкие узкие бамбуковые полосы, затем взял иглу с ниткой и стал прошивать их, почти как ткань, особым способом стягивая в единое полотно. Поскольку рядом был Сюн Цзиньчжоу и не нужно было отвлекаться на пшеницу, Нин Гуйчжу мог полностью сосредоточиться на работе. Двигался он быстро, и вскоре перед ним лежали уже три одинаковых по длине и ширине куса бамбуковой циновки.

Нин Гуйчжу поднялся, вошёл в спальню и принёс оттуда конопляную ткань. Нарезанные полосы ткани были шириной не больше половины ладони. Он пришил их по краям бамбуковых полотен, затем соединил между собой все три части и тщательно обшил края по всему периметру. Так получилась целая бамбуковая циновка.

На словах всё звучало быстро, но когда Нин Гуйчжу наконец закончил и поднялся, солнце уже начало клониться к западу. Братья во дворе по очереди размахивали цепом, а Лю Цюхун сидела рядом и выбирала оставшиеся зёрна из колосьев.

Нин Гуйчжу выпрямился, немного размял поясницу, затем сел рядом с Лю Цюхун, взял в руки горсть колосьев и тоже принялся выщипывать зерно.

— Невестка дома делает тофу?

— Твоя невестка к родителям уехала, — ответил Сюн Цзиньпин.

— М?

Лю Цюхун пояснила:

— Тот новый сянгань, которому ты их научил, очень хорошо продаётся. Но лавки в уезде всё ещё заказывают и прежний сушёный тофу, вымоченный в солёной воде. Вот мы и решили нанять ещё несколько человек.

Надёжные семьи из родни Сюн уже успели выучиться разным ремёслам и теперь были заняты собственными делами. У них самих работы тоже хватало, а в доме уже трудились трое односельчан. Поэтому на этот раз решили позвать по одному-двум проверенным людям из родни Лю Цюхун и Ван Чуньхуа.

Это было уже их собственное дело, и Нин Гуйчжу лишь кивнул. Ему достаточно было знать, что они всё устроили.

Небо в последние дни словно благоволило им: солнце стояло особенно хорошее, и сегодня пшеница заметно просохла. Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпин сменяли друг друга у цепа, и к закату на сушильных циновках осталось уже совсем немного соломы.

— Всё, хватит. Остальное завтра потихоньку закончим. Идёмте есть.

Лю Цюхун смыла с рук приставшие пшеничные ости, окликнула троих и первой прошла через главный зал наружу. Нин Гуйчжу тоже вымыл руки и остался ждать рядом, чтобы выйти вместе с Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньпин заметил, что Нин Гуйчжу кого-то ждёт, поэтому, вымыв руки, поспешил догнать мать. Жены рядом не было, и оставаться одному с этими двумя ему казалось как-то неловко. Не подозревая о мыслях старшего брата, Сюн Цзиньчжоу вымыл руки и совершенно естественно взял Нин Гуйчжу за руку. Несмотря на жару, из-за которой держаться за руки было ещё жарче, они не спеша вышли со двора и закрыли за собой ворота.

Когда они добрались до переднего дома, еда уже стояла на столе. Нин Гуйчжу подошёл поближе и увидел, что сегодня на ужин были маньтоу из муки грубого помола и тушёное мясо, к которому добавили немало зелени. Блюдо было приготовлено совсем просто, однако густой аромат мгновенно пробуждал аппетит, заставляя живот урчать.

— Слишком жарко, мясо уже вот-вот испортится, поэтому я потушила всё, что оставалось. Сегодня ешьте сколько влезет, — сказала Лю Цюхун, выходя с чашками и палочками.

Нин Гуйчжу огляделся по сторонам.

— А невестку ждать не будем?

— Я оставила ей еду, она стоит в котле и остаётся горячей. Вернётся - сразу сможет поесть.

Услышав это, Нин Гуйчжу кивнул и заодно взял три чашки, первым делом накладывая еду детям, которые уже ждали, не сводя глаз со стола. Едва он закончил, как Сюн Цзиньчжоу уже подготовил порции для них двоих. Вся семья расселась вокруг стола: глоток ароматного мясного бульона с зеленью - и следом кусочек только что приготовленного маньтоу.

Наверное, Нин Гуйчжу уже успел привыкнуть к такой еде. Теперь грубые пампушки уже не царапали ему горло, как в первое время, и гораздо отчётливее ощущался присущий цельным злакам насыщенный аромат.

Раз Лю Цюхун велела всем есть сколько душе угодно, значит, твёрдо решила покончить со всеми блюдами за один ужин. На протяжении всей трапезы только и слышалось, как она уговаривает всех брать ещё и ещё. В итоге блюда опустели подчистую, а вот маньтоу съели совсем немного.

— Ну что, сегодня мяса наелись? — спросила Лю Цюхун, собирая посуду.

Увидев, как и взрослые, и дети, объевшись, согласно кивают, она довольно объявила:

— Вот и хорошо. Значит, теперь мяса на нашем столе не будет. Подождём, пока погода станет прохладнее.

Вся семья:

— ...Хорошо.

Глядя на опустевшие чашки и тарелки, Лю Цюхун была довольна, хотя сердце всё равно болело за мясо. Съесть столько за один раз могли себе позволить разве что богатые семьи из уезда, но и оставлять его было нельзя. Когда Лю Цюхун была молодой, одна семья купила мясо, но пожалела съесть его сразу. Мясо испортилось, однако они всё равно промыли его и приготовили детям. Кажется, прошло всего два или три дня, во всяком случае, дети умерли очень быстро. Это настолько глубоко врезалось Лю Цюхун в память, что даже спустя больше двадцати лет она всё ещё не могла забыть случившееся.

Увидев, что Лю Цюхун собирается нести посуду на кухню, Нин Гуйчжу удержал её:

— Мама, отдохни немного. Потом я сам всё помою.

— Да ничего, заодно и вымою. Тут дел-то совсем немного.

— Мама, — увидев, что она всё равно собирается заняться делами, Нин Гуйчжу решил уговорить её иначе. — Мы только что столько съели, желудок сейчас и так перегружен. Если сразу идти работать, пища будет плохо перевариваться, потом ещё долго будет тяжело и неприятно.

Лю Цюхун мало что поняла, но услышала главное - вроде бы можно заболеть. Она тут же села обратно.

Нин Гуйчжу не удержался от улыбки.

Они немного отдохнули, пока чувство переполненности не стало слабее. После этого Лю Цюхун даже не дали подняться: Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сами вымыли чашки и палочки, прибрали кухню и главный зал, затем попрощались с родными и, держась за руки, вернулись в задний дом. Сначала приготовили корм для собак, кур и уток, Маньтоу, как обычно, дали одну пампушку, а затем остались рядом с двумя кошками, пока те ели мясную кашу.

Нин Гуйчжу протянул палец, зацепил кошачий хвостик и сказал:

— Интересно, когда они уже смогут сами добывать себе еду.

— Наверное, уже могут, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Дикие котята обычно очень бойкие.

— М-м... — протянул Нин Гуйчжу, но тут же сменил тон. — Они ещё маленькие. Ничего страшного, если покормим ещё несколько дней. Просто собакам как-то несправедливо.

Кошки каждый раз получают мясо, а собаки каждый раз едят пампушки - даже звучит жалко.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Сам он совсем не считал собак обделёнными, но раз супруг их жалеет, значит, можно не бояться, что его будут ругать за траты на кошек и собак.

Он осторожно предложил:

— Как раз завтра мясник будет резать свинью. Может, я закажу немного потрохов?

Мясо тоже делилось по ценности. У потрохов был сильный запах, и как их ни готовь, полностью избавиться от него было трудно, поэтому стоили они заметно дешевле.

Нин Гуйчжу сначала кивнул, потом немного подумал и добавил:

— Для собак купи другие внутренности. Тонкие кишки мне нужны. И ещё принеси мяса, чтобы жир и постное были примерно поровну, не покупай один жир.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу сразу оживился:

— Ты что-то хочешь приготовить?

— Немного копчёной колбасы, — ответил Нин Гуйчжу. — Очень вкусной.

При словах о копчёной колбасе Сюн Цзиньчжоу тут же вспомнил аромат прежнего копчёного мяса и без малейших сомнений закивал.

— Тогда, может, ещё несколько кусков мяса купить и тоже закоптить?

Нин Гуйчжу беспомощно посмотрел на него:

— Чтобы копчёное мясо получилось чистым и красивым, его нужно несколько раз обрабатывать. Сейчас мы ещё сушим пшеницу, а я хочу сделать бамбуковую кровать. Откуда у меня столько времени на всё это?

Просто развесить мясо в коптильне и непрерывно коптить его тоже было можно, но тогда оно получалось черным-пречёрным. Если же отмывать его уже после копчения, это не только отнимало много времени, но и отчистить мясо до конца было очень трудно. А из подходящих для мытья приспособлений сейчас у Нин Гуйчжу была одна лишь мочалка из люффы, поэтому он предпочитал сделать несколько лишних шагов, лишь бы потом не мучиться самому.

— А-а, — отозвался Сюн Цзиньчжоу, решив, что в этом есть смысл.

Он с некоторым сожалением произнёс:

— Вот бы я мог каждый день оставаться дома.

Раньше, когда у него ещё не было фулана, Сюн Цзиньчжоу считал должность батоу отличной работой: денег много, дел мало, захочется поесть в уезде - в любой момент можно зайти в ресторан, а вернёшься домой - отец с матерью, старший брат с невесткой всегда накормят. Теперь же супруг каждый день хлопотал дома, а он во многом не мог ему помочь, и от этого всё казалось каким-то не таким.

Услышав слова Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу поднял руки, обхватил ладонями его лицо и с силой потёр из стороны в сторону.

— Ты ведь не задумал ничего дурного? Даже если задумал, немедленно выбрось всё это из головы.

Сюн Цзиньчжоу растерянно спросил:

— Что дурного я мог задумать?

Нин Гуйчжу внимательно всмотрелся в его лицо и, убедившись, что тот действительно ничего не понимает, наконец успокоился.

— Боюсь, как бы тебе вдруг не взбрело в голову пойти к начальству и сказать, что ты увольняешься.

— ... — Сюн Цзиньчжоу не удержался от смеха. — Я же не спятил.

Пусть его ежемесячное жалованье и не шло ни в какое сравнение с тем, сколько зарабатывал Нин Гуйчжу, зато это был стабильный доход. К тому же работа в уездной управе позволяла при случае уладить какие-нибудь мелкие неприятности. Если же уйти со службы, то тяжёлым трудом он заработает ещё меньше, а если заняться торговлей, всегда придётся учитывать возможность прогореть.

Сюн Цзиньчжоу вообще легко довольствовался тем, что имел, и считал нынешнюю жизнь в самый раз. По совпадению Нин Гуйчжу думал точно так же.

Услышав его ответ, Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Я просто боялся, что у тебя вдруг что-нибудь переклинит. Мало ли.

Сюн Цзиньчжоу обдумал его слова, а затем внезапно сграбастал Нин Гуйчжу в объятия и принялся щекотать.

— Ты что, намекаешь, что я тупой?

Нин Гуйчжу со смехом изо всех сил завертелся, вырываясь из его рук, а едва освободился, тут же отбежал подальше. Выглянув из-за стены, он так и не ответил на вопрос прямо, лишь сказал:

— Я пойду приберусь в спальне, а ты займёшься пшеницей, хорошо?

— Иди.

Стеблей пшеницы стало намного меньше, и теперь на циновках для просушки в основном оставалось зерно. Достаточно было приподнять края циновки, чтобы ссыпать всю пшеницу к середине, поэтому Сюн Цзиньчжоу вполне легко справлялся с этим в одиночку.

Нин Гуйчжу сложил одеяла и тюфяк и перенёс их на стол, а простыню расстелил прямо поверх соломы. Затем вышел, взял тряпку, тщательно протёр только что сделанную бамбуковую циновку, отнёс её в спальню и постелил на кровать.

— Цзиньчжоу, не забудь завтра напомнить мне вытащить солому из кровати и просушить её на солнце, — сказал Нин Гуйчжу, выйдя из спальни.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Я завтра перед уходом сам её разложу сушиться.

Нин Гуйчжу кивнул и добавил:

— Тюфяк тоже нужно просушить, а потом убрать.

— Хорошо.

Разговаривая, они ещё раз полили маленькое лавровое деревце и огород, собрали сушившиеся на заднем дворе листья дикой груши, лавра и прочее. В котле уже грелась вода, и, когда она достигла нужной температуры, её разбавили большей частью ведра холодной воды, после чего они по очереди сходили в купальню и ополоснулись.

Одежду, которую носили всего один день, достаточно было прополоскать в воде, смывая пот, затем отжать и развесить на шесте для сушки.

Вернувшись в спальню и улёгшись на свежесплетённую бамбуковую циновку, оба сразу ощутили заметную прохладу.

Сюн Цзиньчжоу вновь явно загорелся желанием.

— Чжу-гер, может, нам...

— Вспотеет.

Они только что помылись, и Нин Гуйчжу совсем не хотелось двигаться.

Сюн Цзиньчжоу придвинулся к его шее и принялся раз за разом целовать её.

— Когда закончим, я тебя вытру начисто.

— Но циновка легко сломается.

Ради скорости Нин Гуйчжу не переплетал бамбуковые полосы, когда делал эту циновку. Они были довольно толстыми, а под ними лежал слой мягкой соломы, поэтому, если приложить слишком много силы, бамбуковые полосы запросто могли треснуть.

Сюн Цзиньчжоу немного подумал, поднял Нин Гуйчжу на руки и осторожно предложил:

— Тогда, может... у окна?

Нин Гуйчжу:

— ???

Яркий лунный свет лился в комнату, а высокие стены двора скрывали её от посторонних глаз. В конце концов предвкушение одержало верх над смущением, и этой ночью вид из окна оказался поистине необычным.

Утро встретило их ароматом яичной лапши.

Нин Гуйчжу, позёывая, хлопотал на кухне. К тому времени, когда запах еды поплыл наружу, рано поднявшийся Сюн Цзиньчжоу уже успел переделать все домашние дела.

Во дворе спереди сушилось зерно, на заднем дворе - всё остальное. Одежда, которую вечером развесили на шесте, за ночь уже высохла от ветра. Сюн Цзиньчжоу снял её, затем вынес домашние одеяла и тюфяк, а солому из кровати сложил в плетённый поднос и поставил в самое солнечное место.

Покормив домашних животных и полив овощи с молодым деревцем, Сюн Цзиньчжоу наконец вошёл на кухню, спокойно уселся у стола, закинул ногу на ногу с видом важного господина и стал ждать завтрака.

Нин Гуйчжу поднял на него глаза и между делом налил чашку настоя солодки.

— Выпей. И где платок, который я тебе приготовил? Вытри пот.

Сюн Цзиньчжоу машинально провёл рукой по вискам и, почувствовав лишь лёгкую влажность, беззаботно ответил:

— Здесь ветер есть, скоро само высохнет.

Лапша в котле уже сварилась. Нин Гуйчжу не стал спорить, просто высыпал туда заранее нарезанный зелёный лук. Когда от жара поднялся его аромат, он сначала налил в чашки немного бульона, а затем начал раскладывать лапшу.

Сюн Цзиньчжоу допил настой солодки и налил себе ещё чашку, заодно приготовив порцию и для Нин Гуйчжу. Потом открыл шкаф, достал маленькую баночку с фужу, увидел, что там осталось совсем немного, и просто выскреб всё в чашку, после чего принёс к столу.

— Фужу в шкафу закончился. Достать ещё из погреба?

В жару фужу хранился недолго, поэтому после приготовления Нин Гуйчжу велел Сюн Цзиньчжоу убрать основную часть в погреб и каждые два-три дня приносить наверх понемногу.

— Вечером или завтра утром достанем, — ответил Нин Гуйчжу.

Днём он всё равно не собирался есть дома, так что не было смысла заранее вытаскивать продукт наружу. Чем меньше времени тот проведёт в жаре, тем дольше сохранится.

Сюн Цзиньчжоу кивнул.

После завтрака было ещё рано. Когда кухня и посуда уже были убраны, Нин Гуйчжу усадил Сюн Цзиньчжоу на табурет:

— Я тебе заново волосы уложу.

Последние дни выдались слишком хлопотными и утомительными, поэтому Сюн Цзиньчжоу снова сам занимался своими волосами: скручивал наверху как получится и просто обматывал тканью. Хорошо ещё, что лицо у него было красивое, иначе Нин Гуйчжу и смотреть бы не хотелось на эту причёску.

Сюн Цзиньчжоу послушно сидел и предложил:

— Можно собрать повыше? Когда волосы свисают сзади, жарко.

— М-м... — Нин Гуйчжу задумался. — Может, сделаю тебе пучок-шарик?

Сюн Цзиньчжоу понятия не имел, что это такое, но полностью доверял Нин Гуйчжу:

— Давай.

Нин Гуйчжу собрал ему на затылке свободный круглый пучок, затем обошёл спереди, посмотрел и тут же прыснул со смеху.

— Подожди, я ещё подумаю. Такой пучок тебе вообще не идёт, ха-ха-ха.

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь.

Увидев, как Нин Гуйчжу весело смеётся, Сюн Цзиньчжоу не удержался, притянул его ближе и поцеловал в щёку.

— Делай как хочешь, я тебе доверяю.

Нин Гуйчжу покраснел и поспешно отёрнул голову.

Круглый пучок на затылке из-за мягких, послушных волос придавал облику некоторую нежность, и Сюн Цзиньчжоу это действительно не слишком шло. К тому же во время дневного сна такая причёска легко могла растрепаться. Нин Гуйчжу немного подумал и решил сделать самый простой и привычный вариант - полностью собрать волосы наверх. Но прежде чем собирать, он заплёл у висков несколько тонких косичек.

Когда волосы густые, как их ни укладывай, проборы почти не видны. Нин Гуйчжу оставил косички свободными, а остальные волосы полностью собрал на макушке. Один раз туго обвязал их лентой, затем сложил и аккуратно свернул длинные пряди, после чего с помощью ленты и заранее заплетённых тонких косичек надёжно закрепил причёску.

— Цзиньчжоу, потряси головой, я посмотрю, не будет ли распускаться.

Сюн Цзиньчжоу послушно покрутил головой. Нин Гуйчжу потрогал собранные волосы, поправил концы ленты, свисавшие на затылок, и довольно сказал:

— Можно. Очень красиво!

Услышав, что красиво, Сюн Цзиньчжоу повернулся к нему, взял за руку и пристально посмотрел:

— Правда красиво?

В его глазах была такая явная нежность, что Нин Гуйчжу словно поддавшись наваждению наклонился и легко поцеловал его в губы.

— Правда. Очень красиво.

Уголки губ Сюн Цзиньчжоу приподнялись. И прежде чем Нин Гуйчжу успел выпрямиться и отойти, тот одним движением притянул его в объятия и углубил поцелуй.

— Даван, доброе утро! Эрцай, доброе утро! Саньбао, доброе утро...

Звонкие детские приветствия мгновенно разрушили всю романтику.

Нин Гуйчжу вздрогнул, с силой оттолкнул Сюн Цзиньчжоу, поспешно спрыгнул с него, поправил одежду и уставился на маленькую дверь в задней части главного зала.

Одна за другой из-за двери показались три маленькие головы. Увидев, что учитель смотрит на них, дети ещё раз звонко поздоровались:

— Доброе утро, учитель! Доброе утро, дядюшка!

Сюн Цзиньчжоу с лёгкой язвительностью протянул:

— Да уж, вижу, утро у вас просто замечательное.

Трое малышей:

— ?

Сегодня дядюшка какой-то странный.

Нин Гуйчжу легонько хлопнул Сюн Цзиньчжоу и сказал:

— Уже почти пора. Иди переодевайся, не забудь взять деньги. Кроме того, о чём мы говорили вчера, купи ещё небольшой глиняный кувшин. Тот, в котором сейчас лежит фужу, я хочу вымыть.

— Ну ладно.

Сюн Цзиньчжоу нехотя поднялся, сходил в спальню переодеться и, выйдя обратно, увидел троих детей, сидевших в главном зале и болтавших ногами.

— Идите читать.

Когда дети вприпрыжку убежали в спальню, Сюн Цзиньчжоу только тогда притянул Нин Гуйчжу к себе и с явной неохотой оставил на его губах ещё один поцелуй.

— Тогда я пошёл в уезд.

— Угу.

Нин Гуйчжу поправил ему ворот и с улыбкой сказал:

— Когда вернёшься, будет сладкий суп из маша.

— Хорошо.

Настроение Сюн Цзиньчжоу немного улучшилось.

Проводив его взглядом, Нин Гуйчжу вошёл в спальню, сначала немного почитал вместе с детьми, а когда они втянулись в занятие, дал им самостоятельное задание и отправился на кухню.

В шкафу с вечера были замочены бобы маша. Нин Гуйчжу сжал пару зёрен пальцами, убедился, что они уже достаточно размокли, откинул их, переложил в глиняный горшок, залил

водой, накрыл крышкой и поставил медленно томиться на огне.

Занявшись супом, Нин Гуйчжу снова вышел в лес возле дома и перетаскал внутрь весь оставшийся бамбук. Пилы у них не было. Нин Гуйчжу некоторое время задумчиво смотрел на пшеницу, прикидывая, что делать дальше. Когда чтение из спальни стало тише, он подошёл к двери и заглянул внутрь.

Сюн Цзиньбо тут же сказал:

— Учитель, пить хочется.

— Подождите немного.

Нин Гуйчжу сходил на кухню, принёс чашки и кувшин с водой, поставил на стол и велел детям наливать самим, если захотят пить. После воды чтение вскоре снова зазвучало.

Нин Гуйчжу прислонился к дверному косяку спальни: то смотрел на детей, то на пшеницу. В голове очень быстро сложилась точная последовательность изготовления бамбуковой кровати. Он засучил рукава, перетащил под навес несколько отрезков бамбука, тесаком укоротил их до нужной длины и начал понемногу прорезать отверстия. Тесаком бамбук легко было расколоть, поэтому Нин Гуйчжу работал короткими, очень осторожными движениями. Несколько заготовок он всё же испортил, но в конце концов четыре ножки для кровати были готовы.

Затем он выбрал несколько ровных бамбуковых стволов одинаковой толщины, укоротил их, аккуратно обработал прорезы и отложил в сторону. Пробив перегородки внутри колен, Нин Гуйчжу продел длинные бамбуковые перекладины через отверстия в ножках - так получился простой нижний каркас кровати.

Учить детей, присматривать за пшеницей, мастерить кровать и время от времени подбрасывать дрова под суп из маша - утро оказалось занятым до предела. Полдень подкрался почти незаметно.

Лю Цюхун пришла принести детям обед и заодно позвала Нин Гуйчжу идти есть в передний дом.

Едва Нин Гуйчжу вошёл во двор переднего дома, как на него сразу обратились несколько незнакомых взглядов. Он нерешительно остановился, примерно догадываясь, кто эти люди, но не зная, как к ним обращаться.

Сюн Цзиньпин заметил его замешательство и представил гостей:

— Те двое у кухни - дядя со стороны матери и двоюродный брат. А это племянник и младший брат твоей невестки.

Нин Гуйчжу поздоровался со всеми как полагается.

— Хорошо-хорошо. Я давно слышал от Цюхун, что Цзиньчжоу взял себе хорошего фулана, а сегодня вижу тебя впервые, — с улыбкой сказал мужчина средних лет, старший среди гостей.
— Дядя принёс немного яиц, там есть и ваша доля. Когда пойдёшь домой, не забудь забрать.

Свадьба Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу прошла в спешке. В тот день на пир, помимо родни Сюн, пришли лишь несколько семей из деревни, с которыми они были особенно близки. Остальные родственники узнали о случившемся уже через несколько дней.

— Хорошо, спасибо, дядюшка, — охотно ответил Нин Гуйчжу.

Все вместе поели простой лапши с зеленью, а когда Нин Гуйчжу уходил, в руках у него уже было шесть яиц и большая корзина овощей. Часть принесли родственники со стороны Лю Цюхун, часть - родня Ван Чуньхуа. Овощи были выращены на собственных грядках и выглядели куда нежнее и свежее дикорастущей зелени. Нин Гуйчжу в прекрасном настроении вернулся домой, убрал принесённое, затем собрал со стола чашки и палочки и уложил детей на дневной сон.

Сегодня он чувствовал себя довольно бодро. Дождавшись, пока дети уснут, Нин Гуйчжу снова принялся за бамбуковую кровать. Деревенские дети росли неприхотливыми, поэтому доносившийся время от времени стук их не разбудил. Нин Гуйчжу провозился ещё долго, пока наконец не закрепил каркас кровати как следует. Он поднялся, немного размял тело и краем глаза заметил, как во двор опускается птица. Уже потянулся за лежавшей рядом бамбуковой веткой, чтобы прогнать её, как вдруг вперёд метнулась проворная тень.

Птица ещё не успела коснуться земли, когда испуганно забила крыльями и рванула в сторону. В панике она полетела прямо к Нин Гуйчжу, увидела человека и инстинктивно шарахнулась прочь. Но прежде чем успела выровнять полёт и подняться повыше, следом выскочила вторая тень. Два подросших котёнка окружили птицу с двух сторон и в конце концов успешно её поймали.

Нин Гуйчжу с удивлением ещё несколько раз посмотрел на котят. Лишь когда увидел, что они собираются есть птицу прямо на пшенице, быстро подошёл, отобрал добычу у кошек и переложил тушку под навес. Обе кошки с жалобным мяуканьем бросились следом. Но, увидев, что Нин Гуйчжу просто положил их добычу на землю, сразу замолчали, неловко облизнули носы и, словно ничего не произошло, подошли к птице и принялись есть.

Раз уж эти двое уже научились ловить птиц, Нин Гуйчжу не стал следить, как они едят. Он наклонился, собрал с пшеницы выпавшие перья, затем ещё раз перевернул зерно деревянными граблями и вернулся в главный зал продолжать мастерить бамбуковую кровать.

Попробовав добычу и распробовав вкус охоты, котята снова засели в засаде, поджидая птиц. Жаль только, что остальные птицы, наученные участием первой, стали куда осторожнее. А у кошек, только начавших охотиться, ещё не хватало терпения. Они долго старались, но так

больше ничего и не поймали, зато прекрасно помогли сторожить пшеницу.

Когда пришла Ван Чуньхуа и увидела, с каким интересом Нин Гуйчжу наблюдает за котятми, она лишь с улыбкой покачала головой и тоже не стала им мешать.

<http://bllate.org/book/14958/2012876>